

чается редко. Для выделения условных наименований в европейской письменности используются и поныне два конкурирующих средства (кавычки и курсив), что является причиной (но вряд ли единственной) употребления в современных текстах названий без кавычек. Оформление прямой речи в современном русском языке возможно двумя способами, уменьшение частоты использования кавычек в художественных текстах может свидетельствовать том, что абзацному способу все чаще отдается предпочтение.

Представляется перспективным изучение причин узуальных особенностей обсуждаемого пунктуационного знака.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумов С. И. Вопросы пунктуации в трудах русских книжников XV-XVIII вв. / Проф. С. И. Абакумов // Уч. зап. Москов. областного пед. ин-та, т. XII. Ф-т яз. и лит-ры. Труды кафедры рус. яз., вып. I. — М., 1948. — С. 3–32.

2. Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне / Грот Я. К. Филологические разыскания. — СПб., 1873. — 162 с.

3. Жильцова В.В. Проект реформы пунктуации 1930 г. Ход обсуждения и лингвистический анализ // Язык и мы. Мы и язык. Сборник статей памяти Бориса Самойловича Шварцкопфа. — М., 2006. — С. 240–272.

4. Курганов Н. Письмовник, содержащий в себе науку российского языка / Николай Курганов.

— 5-е изд. — СПб.: Имп. Акад. наук, 1793. — 404 с.

5. Лотман Ю. М. Текстологические принципы издания / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Н. М. Карамзин; отв. ред. Д. С. Лихачев; ред.: Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский; Академия наук СССР. — Л.: Наука, 1984. — С. 516–524.

6. Петриченко М. А. Очерки по пунктуации: Учеб. пособие / М. А. Петриченко; Криворожский гос. педагогический ун-т. Кафедра русской филологии и зарубежной литературы. — Кривой Рог: Видавничий дім, 2003. — 155 с.

7. Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / Подгот. текста и текстол. коммент. М. П. Тоболовой; Под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. — 776 с.

8. Шапиро А. Б. Современный русский язык. Пунктуация. — 2-ое изд. / А. Б. Шапиро; [подгот. к печати изд., науч. ред. Н. С. Валгиной]. — М.: Просвещение, 1974.

9. Gasparri F. Obelus / F. Gasparri // Encyclopedia of the Middle Ages. — V 2. — 2000. — 1624 p.

10. Grube G. The Greek and Roman critics / G. M. A. Grube. — 1965. — 372 p.

11. McMurtrie D. C. Concerning Quotation Marks / D. C. McMurtrie. — New York, 1934. — 8 p.

12. Parkes M. Pause and effect: An Introduction to the History of Punctuation in the West / M. V. Parkes. — 1993. — 328 p.

УДК 811.161.1

Д.М. Плужникова

ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В ЗЕРКАЛЕ СОМАТИЗМОВ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ

Д.М. Плужникова

ТВОРЧИЙ ПРОЦЕС У ДЗЕРКАЛІ СОМАТИЗМІВ БЕЛЛИ АХМАДУЛІНОЇ

Розглядаються особливості художнього використання слів-соматизмів в поетичній інтерпретації Б. Ахмадуліної на прикладі репрезентантів концептів “гортань”, “горло”, “рука”, “шкіра” та ін. Встановлюється оціночна амбівалентність розуміння творчості як творчих мук і високого служіння, що яскраво представлено в авторському відображенні слів-соматизмів.

Ключові слова: творчість, Ахмадуліна, соматизм, гортань, горло, рука.

Д.М. Плужникова

ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В ЗЕРКАЛЕ СОМАТИЗМОВ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ

Рассматриваются особенности художественного использования слов-соматизмов в поэтической интерпретации Б. Ахмадулиной на примере репрезентантов концептов “гортань”, “горло”, “рука”, “кожа” и др. Устанавливается оценочная амбивалентность понимания творчества как творческих мук и высокого служения, что ярко представлено в авторском отражении слов-соматизмов.

Ключевые слова: творчество, Ахмадулина, соматизм, гортань, горло, рука.

© Д.М. Плужникова, 2013

D.M. Pluzhnikova

CREATION IN THE SOMATISMS MIRROR OF BELLA AKHMADULINA

In this article features of the artistic usage of somatisms in poetic interpretation of B. Akhmadulina through the example of representations of the concepts “throat”, “larynx”, “hand”, “skin” and others are examined. Evaluative ambivalence of realization of the creativity through the throes of creation and a high service is determined. It can be clearly seen in the author’s reflection of somatisms.

Keywords: creation, creativity, Akhmadulina, somatism, throat, larynx, hand.

В своей книге, посвященной “белым пятнам” на карте современной лингвистики”, В.К. Харченко отмечает три основных концепта лирики Беллы Ахмадулиной: ТВОРЧЕСТВО, ОДИНОЧЕСТВО, ДРУГ [10, с. 39].

Ведущая для поэтессы тема творчества широко исследована в лингвистике и литературоведении на материале произведений многих авторов и особенно оригинальной, то есть неизученной не считается [4, 5, 7]. Среди таких авторов А.С. Пушкин, Д.А. Пригов, Ксения Некрасова и др. Лингвистику творчества в поэзии Б. Ахмадулиной затрагивают такие исследователи, как Т.В. - Алешка [1], О.Н. Григорьева [3], М.С. Михайлова [8], В.К. Харченко [11], М.И. Храмцова [12] и др. Тем не менее мы избрали тему ТВОРЧЕСТВО в лирике Беллы Ахмадулиной, чтобы подойти к этой теме и рассмотреть её сквозь призму соматической лексики. Обычно “части тела” и “творческий процесс” если и сопрягаются, то косвенно, тогда как изучение всего творчества Б. Ахмадулиной открывает знаковую связь этих концептов. Поэтесса даёт столь щедрый и интересный материал, что формулировка заявленной темы “Творческий процесс в зеркале соматизмов Беллы Ахмадулиной” не кажется ни искусственной, ни тем более противоречивой. Сказанное не означает, что соматизм всенепременно связан с концептом ТВОРЧЕСТВО. Соматизмы по-новому интерпретируют темы одиночества, любви, дружбы и др.

“Телесное” в стихах Беллы Ахмадулиной выражено так ярко и индивидуально, что требует отдельного рассмотрения. Тема творчества звучит в стихотворениях “Воскресный день”, “Немота”, “Свеча”, “Это я...”, “Плохая весна”, “Предутренний час драгоценный”, “Клянусь”, “Ночь”, “В том времени, где и злодей...”. Поэтесса обозначает творческий процесс и тему творчества в сильной позиции – в названии стихотворений (“Не писать о грозе”, “Взойти на сцену”, “Ночь перед выступлением”, “Закрытие тетради”, “Слово”).

Целью статьи является исследование таких слов-соматизмов, которые наиболее часто задействованы Б. Ахмадулиной при интерпретации творческого процесса “изнутри”. Поэтесса наблюдает за собой, за муками творчества и художественно это комментирует, разрабатывая приём поэтической интроспекции, что и целесообразно исследовать сквозь призму “соматического” материала.

В аспекте исследования взаимосвязи, взаимоотношений слов-соматизмов на тему творчества интересными для исследования представляются такие слова-соматизмы, как РУКА, ЛОКОТЬ, ГОРЛО, ГОРТАНЬ, КОЖА, ШЕЯ. Отдельно следует упомянуть соматизм ЛОБ, анализ которого представлен в статье [9]. Прежде всего в ряду “анатомических изысков” выделим традиционный в восприятии темы творчества соматизм РУКА. *Забываю про руку: пусть пишет. / Навсегда разминулись – гроза / и влюблённый уродец эпитет* (“Не писать о грозе”).

Однако художественное внимание к слову “рука” как символу творчества свойственно и ряду других поэтов. Впрочем, поэтесса и в интерпретации концепта “рука” обнаруживает свой подход. Мы же для анализа выбираем соматизмы, которые в наибольшей степени характеризуют идиолект Б.А. Ахмадулиной.

В ряде случаев РУКА персонифицируется, выступает как самостоятельный организм, неподверженный влиянию человека, имеющий независимый статус, свои желания, волю, становится синонимом поэта, творца, создателя. *Свободная повелевать, / что сочинишь и что напишешь / моей рукой в мою тетрадь* (“Черёмуха предпоследняя”); *Рука поэтов пишет реже, / чем их душа творит стихи* (“Зелёный луг”). Поэт же предстаёт в образе маленького, беззащитного, хрупкого “человека-невелички”: *Это я – человек-невеличка, / всем, кто есть, прихожусь близнецом* (“Это я...”); *Кто в руки взял перо – пусть что-нибудь напишет. / Пред белизной страниц он был всегда несмел* (“Блаженство бытия”).

“По поэтической логике Ахмадулиной, всякий настоящий поэт одновременно обладает мифологической силой, ибо наполняет реальность ценностью и значением, и окружён трагическим ореолом, так как создаваемое им или ею мироздание принципиально хрупко и беззащитно – таким же, абсолютно беззащитным перед историей и судьбой оказывается и сам поэт, распахнувший свою душу вовне. Как пишет Ахмадулина в стихотворении, посвящённом памяти Мандельштама (1967): *Что может он? Он ниц и наг / перед чудом им свершённой речи. / Гортань, затеявшая речь / неслыханную, – так открыта. / Довольно, чтоб её пресечь / и меньшего усилья быта*” [6, с. 319].

Близок к соматизму “рука” соматизм “ло-

коть”, и поэтесса нередко отдаёт предпочтение именно соматизму ЛОКОТЬ. *Здесь совмещались стол и локоть, / тетрадь ждала карандаша / и, провожая мимолётность, / беспечно мучилась душа* (“Снегопад”); ... *Всю ночь в дыму сижу, / и тяжело тащится мой локоть, / строку влача, словно баржу* (“Описание обеда”).

В лирике Б. Ахмадулиной с темой ТВОРЧЕСТВО неразрывно связаны образы слова, речи, голоса, которые реализуется через соматику ГОРЛА и ГОРТАНИ.

Люблю, что слова чистого глоток, / как у скворца, поигрывает в горле. / Люблю и тот, неведомый и горький, / серебряный какой-то холодок. / И что-то в нём, хвали или кори, / есть от пророка, есть от скomorоха, / и мир ему – горяч, как сквородка, / сжигающая руки до крови (“Мои товарищи”).

В стихотворениях поэтессы ГОРЛО и ГОРТАНЬ становятся местом “жизни”, “обитания” голоса, слова. *Голос чей населяет устройства гортань?* (“Хвойная хвороба”); *В гортани моей, неумелой да чистой, / жил призвук старинного русского слова* (“Ночь перед выступлением”); *иссохло в горле слово* (“Теперь о тех, чьи детские портреты...”).

Интересно, что голос тоже может быть “вместилищем”, “хранилищем”: *Звук незамятного вальса / сохранен в голосе моём* (“Дом”). В стихотворении “Магнитофон” ГОРТАНЬ становится образом матери голоса, воспитанницы, которая вскормила и взрастила: *Мой голос, близкий мне досель, / воспитанный моей гортанью*.

Голос у Беллы Ахмадулиной всегда амбивалентен: это и символ поэтического дара, избранности поэта, и символ тяжести поэтического служения, муки творчества. В этом контексте большой корпус стихотворений посвящён отсутствию голоса, невозможности говорить, немоте. *Сколько достойны любви и хвалы, / март, простые деянья твои, / но мертвы моих слов соловьи, / и теперь их сады – словари* (“Слово”).

“Поэт у Ахмадулиной всегда предстаёт как оксюморонная фигура: „певец, снабжённый кляпом в рот, и лакомка, лишённый хлеба“. Творя словом мир, исполненный красоты и любви, поэт всегда создаёт его для других и никогда для себя. Причём его или её страдание и боль есть единственный, неизбежно трагический, способ придать прочность этой хрупкой утопии <...> Эта трагическая плата за поэзию проступает и в постоянном для Ахмадулиной мотиве муки, пытки творчеством” [6, с. 319]. *Кто же был так силен и умён? / кто мой голос из горла увёл? / Не умеет заплакать о нём / рана чёрная в горле моём <...> – О, воспой! – умоляют уста / снегопада, обрыва, куста. / Я кричу, но как пар изо рта, / округлилась у губ немота* (“Немота”).

Как отмечает С. Чупринин, “трагически... в трепетный и тёплый мир Ахмадулиной вступает тема творчества и неотлучная от неё тема немоты. Немоты, если можно так выразиться, „физиологической“, немоты страха: ведь каждый звук, чтоб быть верным, должен быть обеспечен болью, и надо загодя накапливать муки, дабы свершилась “казнь расторжения горла и речи”” [цит. по 6, с. 319-320]. *Звук немоты, железный и колючий / терзает горло ссадиной кровавой, / заговорю – и обагрю платок* (“Слово”). Это подтверждает и М.С. Михайлова в статье “Амбивалентность творчества в лирическом цикле Беллы Ахмадулиной „Возле ёлки“”: “Природа поэтического дара в поэзии Ахмадулиной <...> это одновременно миссия и кара, продиктованный диктант и самосотворённый стих” [8, с. 329]. *Так в чём же смысл и польза этих мук, / принесших в кожу белый шрам ожога? / Ужели в том, что мимолётный звук / мне явится, и я скажу: так много? / Затем свечу зажгу, перо возьму, / судьбе моей воздам благодаренье, / припомню эту бедную весну / и напишу о ней стихотворенье* (“Плохая весна”).

В репрезентации темы творчества реже встречаются и такие “неожиданные” для данной темы соматизмы, как КОЖА и ШЕЯ, передающие образ поэта-мученика. *О, мне не привыкать, мне не впервой, не внове / взять в кожу, как ожог, вниманье ваших глаз. / Мой голос, словно снег, вам упадет в ноги, / и он умрет, как снег, и превратится в грязь* (“Взойти на сцену”); *Я измучила упряжью шею. / Как другие плетут письма – / я не знаю, нет сил, не умею, / не могу, отпустите меня* (“Это я...”).

Выводы и перспективы

1. Тема творчества является едва ли не основной, привлекательной, исключительно притягательной в тематическом разнообразии поэтического мира Беллы Ахмадулиной. Значительное число стихотворений полностью или частично посвящено теме творчества или творческого процесса.

2. Особенностью идиостиля Б. Ахмадулиной является сопряжение темы творчества с “телесностью”, то есть с частотным привлечением слов-соматизмов при интерпретации творческого процесса. При этом поэтесса использует как традиционные соматизмы, выражающие творческое состояние (*рука, локоть*), так и собственные наработки в соматической интерпретации творчества: *гортань, горло, шея, кожа, лоб*.

3. Частота использования некоторых соматизмов и их тропеическое оформление способствуют превращению их в индивидуальные слова-символы: *рука, локоть, горло*.

4. Слова-соматизмы в творчестве Беллы Ахмадулиной обслуживают, разумеется, не только тематику творчества, но и другие концепты: “лю-

бовь”, “одиночество”, “друг”. Однако, как показало исследование, наиболее ярко они репрезентированы именно в рамках художественной проблематики творческого процесса.

5. Творчество для Б. Ахмадулиной всегда амбивалентно: это муки и высшее предназначение поэта, что подкрепляется использованием соматической лексики.

6. Соматическая лексика является ключевой в любом языке, и усилия поэтессы в разработке этого художественного пласта обогащают сокровищницу национального языка, значительно расширяя ассоциативные проекции будто бы обычных слов – названий частей тела.

7. Сопряжение соматизмов и темы творчества – это одна из тех скреп, которые делают поэтический почерк Б. Ахмадулиной неповторимым и узнаваемым, что можно пронаблюдать, выстраивая кадастры одного и того же соматизма в различных стихотворениях поэтессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешка Т.В. Творчество Б. Ахмадулиной в контексте традиций русской поэзии. – Мн.: РИВШ БГУ, 2001. – 124 с.

2. Ахмадулина Б.А. Полное собрание сочинений в одном томе. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2012. – 856 с.

3. Григорьева О.Н. “Синестетическая” поэзия Б. Ахмадулиной // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – М., 1990. – № 4. – С. 12-19.

4. Зырянова М.Н. Лингвокогнитивное описание структуры мегаконцепта “творчество” (на материале произведений Д.А. Пригова) // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. – Том 2. – № 1-13. – С. 38-44.

5. Капленко В.Н. Концепт “творчество” в

поэтической картине мира Ксении Некрасовой // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2012. – № 2. – С. 153-157.

6. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Неоклассицизм-“шестидесятники” (Б. Ахмадулина, А. Кушнер, О. Чухонцев) // Современная русская литература: 1950 – 1990-е годы. В 2 т. – Т. 2: 1968-1990. – М.: Издательский центр “Академия”, 2003. – С. 314-320.

7. Медведева Т.В. Ключевые концепты в лирике А.С. Пушкина: лингвистический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара: Изд-во СамГУ, 2002. – 22 с.

8. Михайлова М.С. Амбивалентность творчества в лирическом цикле Беллы Ахмадулиной “Возле ёлки” // Культура и текст: культурный смысл и коммуникативные стратегии. – Барнаул: Изд-во АлтГПА, 2011. – С. 328-377.

9. Плужникова Д.М. Художественная интерпретация соматизма ЛЮБ в творчестве Б. Ахмадулиной // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. – Харьков: Изд-во ХНПУ имени Г.С. Сковороды, 2013. – № 1-2 (49). – С. 108-112.

10. Харченко В.К. “Белые пятна” на карте современной лингвистики: книга рисков. – М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2008. – 168 с.

11. Харченко В.К. Переносные значения слова. – М.: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, 2009. – 200 с.

12. Храмцова М.И. А. Блок и А. Ахматова в поэтическом языке и языке Б. Ахмадулиной / Лингвистический ежегодник Сибири. – Красноярск: Изд-во КрасГУ, 2000. – Вып. 2. – С. 97-101.